

Музыкант играл на скрипке...

ЕСЛИ сказать об этом фильме одним словом, то это слово - "нежность".

ФИЛЬМ Андрея Хржановского - первый опыт замечательного нашего аниматора в кинодокументалистике об известном музыканте, скрипаче Олеге Кагане, которого уже нет на свете. Это вовсе не традиционно-мемуарно-мемориальный фильм. Это даже вообще трудно назвать фильмом. Это как вздох одного человека о другом. Как прикосновение к сферам, к которым следует прикасаться осторожно и деликатно или не следует трогать их вовсе. Всякие пафосные, высокие слова по отношению к картине громоздки и неуместны - о том, например, что никто не уходит навсегда и что душа человеческая бессмертна, а ушедшие - они здесь, с нами. Фильм ничего не декларирует, не доказывает. Он показывает одухотворенную реальность, одновременно обжигающую и сквозящую, как пламя на ветру...

Два часа идет фильм. Две части вмещают все: рассказ о человеке - с детства, с семьи, с родителей. О его восхождении к славе, успеху. Об окончательном и полном явлении Таланта... Однако канва, фабула, как и неизбежное в подобных фильмах чередование фотографий, любительских съемок, комментариев близких, - это именно и всего лишь канва. А главное в фильме то, что всегда и делает искусство искусством, - это излучение души (случайно ли, что автор фильма - аниматор, от слова "анима" - душа?).

Об Олеге Кагане рассказывают в фильме Ростропович, Шнитке, Башмет, Дорлиак, его первый педагог Иоахим Браун, его последний врач, его вдова Наталия Гутман. Наконец, через весь фильм звучит его последнее интервью, данное за

два дня до смерти, - глуховатый, уже как будто бы нездешний голос, говорящий по-немецки... Но все слова - о нежности, огромном таланте, неподражаемой элегантности, гармоничности Кагана - это все-таки тоже не главное. Хотя как понять, что главное в произведении, которое все есть - гармония? Голос ли скрипки, самого нежного инструмента? Музыка ли, что сопровождает всю картину, скорбит, томится, ликует? Детский лик в рыжеватых кудрях: маленький Олег, а затем - его сын, лицо в лицо?

Каждый план, каждый кадр так логичен, так соразмерен прочим и общей высоте замысла, что все это вместе и соткало летучую, легкую, хрупкую, бесплотную его художественную плоть. Все это вместе и рождает надчувственную чувственность, нежное излучение, которое, кажется, просвечивает сквозь

экран. Оно и освещает весь этот, в сущности, простой рассказ о музыканте, о таланте, не облаканном на родине, о человеке, очень любившем жену и детей и эту свою родину, - улыбочивом, молчаливом, смешливым, изящном... Он был очень счастлив, этот человек. Его любили, любил и он, и был одарен от Бога, и на самой макушке этого счастья ушел. Последняя счастливая его фраза - в Германии, когда еще неведом был смертельный диагноз и он с семьей отдыхал на дивном озере у друзей: "Ребята, это рай!"

... Олег Каган умер от рака. Мучительные боли. Постоянные инъекции. Три операции. Его облик меняется, кажется, прямо в кадре: истончившаяся плоть, другое лицо, уже без этой копны кудрей - мудрое, детское, строгое, библейское, беззащитное. Удивительный кадр: он и жена, обнимающая его голову с седоватым теперь ежиком, а он смотрит не на нее - куда-то вверх. Он вообще в последних кадрах все время смотрит куда-то ввысь...

Во второй части фильм точно сломался, растерялся, осиротел. Реальность размыта, расшатана, она плывет. Человек уходит, и все вокруг и он сам знают об этом: как это можно передать? Еще в доме празднуют елку, и он еще смеется с детьми. Еще он сыграет свой последний концерт - когда уже почти не мог двигаться, говорить, он приехал и сыграл Бетховена. "Это было чудо", - говорят коллеги, врачи, слушатели. Бесплотный, измученный болью, неотвратимо уходящий человек играет мощно, страстно, нежно. "Он уже не должен был жить, его не должно уже было быть на свете. А он играл..."

Марина МУРЗИНА

Арт-фрагмент: прием к "Взрослым 4
фрагментам" - 1996. - окт. - 97.